

УДК 811.163.1(47)

**ТЕКСТОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО
ПЕРЕВОДА «БОГОСЛОВИЯ» ИОАННА ДАМАСКИНА
В СПИСКЕ XVI ВЕКА (РГБ, Ф.98, № 612, ЛЛ.86–218)****Н.Г. Николаева***Аннотация**

Статья посвящена церковнославянской традиции авторитетного догматического текста – «Богословия» Дамаскина – в переводе Иоанна экзарха Болгарского. Проблема статьи связана с таким процессом, как текстовое расширение первоначальной редакции. Рассматриваются внешние формы и внутренние причины расширений и их взаимосвязь с общеязыковыми и общелитературными процессами XVI века.

Ключевые слова: диахрония текста, текстопостроение, историческая стилистика, интертекстуальность, церковнославянский язык.

В истории текстологии славянского «Богословия» Иоанна Дамаскина – основополагающего труда православной догматики – остаётся ещё немало неизученных памятников, которые могли бы не только пролить свет на процесс распространения и усвоения точного изложения православной веры в *Slavia Orthodoxa*, но и прояснить некоторые явления в истории литературного языка и тесно связанной с ней переводческой деятельности славянских книжников. Таким малоизученным памятником является, в частности, рукопись XVI века из фондов РГБ. На неё обратила внимание ещё Л. Садник, указавшая в своём критическом издании «Богословия» основные разночтения с первым переводом, выполненным Иоанном экзархом Болгарским [1]. Этот памятник считается поздним списком перевода экзарха, однако переписчик внёс в него весьма значительные изменения, касающиеся организации текста, связанные непосредственно с изменениями в языковой системе.

На одном ярком явлении этого памятника мы хотели бы остановиться в своей статье – это процесс расширения текста вследствие преобразования его изначальных синтагменных связей не только с формальной, но и с сущностной стороны. Для иллюстрации текстового расширения нами была избрана одна глава этого сочинения – «О Промышлении», и этот выбор можно назвать случайным, поскольку ни содержание главы, ни её место в составе памятника никак не влияют на характер и частотность явлений, подлежащих анализу, – в той же мере они свойственны всему тексту.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-34-01322 «Богословие Иоанна Дамаскина в церковнославянской традиции и рецепции (XVI – XVIII вв.)».

Для исследуемого списка «Богословия» характерны расширения: слово > бинарная формула, бинарная формула > трёхчленная формула, формула > многочлен. Последнее расширение часто сопровождается комментирующими элементами, «домысливанием» текста, в том числе с привлечением формул молитв, литургии, святоотеческих сочинений и т. п.

Некоторые из примеров расширения слова до бинарного сочетания (здесь и далее с опорой на издание под редакцией Л. Садник [1] первый пример приводится по самому раннему из дошедших до нас списков перевода экзарха, второй – по редакции XVI века):

взсхотѣ възити всемоу, и възить. хощеть състояти (συνίστασθαι) сѧ мироу семоу, и стоять, и все жеже хощеть, боудеть (γίνεται) (206а) – възсхотѣ възити всемз, и възить все. хоще превъзити и стояти мирз семз, и стоять, и все жеже хощеть, възвѣтъ и въздѣ. (139);

да ѧкоже есть въ немь доброта таимаѧ тоу же покажетъ (δείξει) инѣмъ (208 а) – да еже есть въ немь добродѣтель таимаѧ да твю покаже і изъавитъ і инѣмъ (139 об.);

еже бо нѣждѣю възвѣтъ, то то не славно ни доброта (οὐ λογικόν, οὐδὲ ἀρετή) (213б) – еже бо нѣждѣю възвѣтъ ни похвално ни хвало есть (141 об. – 142) и т. п.

Мы считаем подобные явления расширениями, а не дублетными переводами, поскольку, во-первых, хронологически список не соответствует эпохе появления и функционирования дублетов, а во-вторых, они не совпадают с дублетными сочетаниями по своей сути: большинство из них не составляет пару *смысловой перевод + этимологический перевод*, их компоненты подравниваются скорее под традиционные языковые формулы (ср. в этом ряду възвѣтъ и въздѣ). В данном случае дублетность – это только форма, закреплённая традицией. Особенно это заметно в последнем примере, поскольку появление формулы ни похвално ни хвало связано не с греческим текстом, а с уже имеющимся славянским переводом и формульностью сочетания (ошибочное славно понято как ‘похвально’ и дополнено традиционным для книжного узуса антонимом – кстати, смысл этого фрагмента с такой заменой неизбежно искажается).

Примеры расширения слова или формулы до трёхчлена:

а мзсли наша и дѣла и градѣущаѧ тѣмь единѣмь вѣдома (207 а–б) – а мзсли наша и дѣла и мимошѣщаѧ и настоѧщаѧ и градѣщаѧ тѣмь единѣмь вѣдома сѣтъ (139 об.). В тексте XVI века происходит слияние двух или даже трёх известных двучленов в тернарное сочетание, что связано с разрушением эквиполентных оппозиций и превращением их в градуальные (см. об этом [2, с. 7–21]).

Расширение двучленной формулы до традиционной трёхчленной (вероятно, также путём контаминации бинарных сочетаний) обнаруживается и в следующем примере:

требѣсть естъ вѣдѣти, ако мнози соуть образи бжїа̄ промѣсла да ни словесьмь сѣказати сѣ ни оумьмь̄ могоуще достигнути сѣ (212 а) – требѣ же естъ вѣдѣти, ако мнози сѣть вьбрази бжїа̄ промѣсла да ни словесь̄м сѣказати сѣ ни разьмомь̄ домыслӣти сѣ ни оумь̄м̄ достигнѣтӣ могоуще (141).

В следующих фрагментах трёхчлен – результат соположения в синтагме лексических вариантов. Такое соположение выявляло их семантические различия, что, в свою очередь, способствовало их встраиванию в языковые парадигматические отношения (синонимии).

къто вьсокъ̄ сѣ дръжїа̄ добротами и оуправленими своими (210 а) – кто величавь̄ гордъ̄ вьсока̄ мна себе добродѣтелнзими оуправленими свшими (140 об.);

и вьсею тварью̄ блгодѣва̄ и кажїа̄ (213 б – 214 а) – і всею тварїю̄ блгодѣветъ̄ і наказветъ̄ і оутомлаетъ̄ і казнӣ^т (142) и т. п.

То же происходит и при расширении слова до многочлена: драхлїа̄ напасти (αἱ σκυθρωπαὶ ἐπιφοραὶ) первого перевода (212 а) в рукописи XVI в. превращаются в скорби и печали і гоненїе и волъзни и првчѣа̄ всакїа̄ напасти (141 – 141 об.). Из контекста видно, что расширение осуществляется за счёт обоих слов исходного сочетания: признак драхлїа̄ опредмечивается (скорби и печали), так что содержание понятия «напасти», определённое в исходной формуле, восстанавливает равновесие с его объёмом за счёт включения в перечислительный ряд слов одного тематического поля.

Трансформации текста, представленные в примерах, как можно заметить, не имеют какой-либо опоры в греческом тексте: они строятся прежде всего на фундаменте уже имеющегося славянского перевода с помощью переводческих приёмов, которые, однако, обеспечивают только воспроизведение некоей традиционной формы с целью совершенствования стиля, обнаруживающего несомненное влияние извития словес. Приращения смысла (как это было в первых древнеславянских переводах) не происходит. Но если плетение словес изначально было подчинено задаче отграничения родового от видового, вычленения понятия с обозначением его содержания (что было отмечено В.В. Колесовым), то в данном тексте цель состоит в достижении равновесия между содержанием и объёмом родового понятия-термина, которое часто оказывается вне формулы и вообще вне экспликации – в подтексте. Всё это способствует автономизации отдельного слова в тексте. Эти процессы происходили на фоне выстраивания в языковой системе новых парадигматических отношений и вносили вклад в их формирование.

Расширение текста не ограничивалось разбиением старых формул. Создатель изучаемого списка расширяет текст, вставляя необходимые для его лучшего восприятия слова, которых нет в оригинале (все во еже восхотѣ гдѣ сотворїти и сотвори – 139, възхотѣ възїти всемь, и възїсть все – 139), иногда, по неизвестным

причинам, отступая и от греческого оригинала и от славянского перевода (еже иномъ възити творцъ паче свѣаго – 139; вероятно, свѣии в данном контексте воспринимается как божественный атрибут).

Явление расширения текста было распространено не только в эпоху плетения словес и не только на славянской почве – это явление было типично, например, для многих латинских переводов святоотеческой литературы. Кстати, именно в это время, в XVI веке, связь с латинской письменной культурой и книжной традицией в Slavia Orthodoxa укрепляется, в том числе благодаря переводческой деятельности Посольского приказа. Известно, что Максим Грек использовал латынь как язык-посредник между греческим и церковнославянским в своей переводческой практике. В это же время нарастает количество переложений с латинского. Князь А.М. Курбский в эмиграции создаёт своего рода кружок, который занимается переводами сочинений отцов церкви, в частности делает новое переложение «Богословия» Иоанна Дамаскина – в основном с латинского языка.

В латинской версии «Богословия» также обнаруживается множество расширений в сравнении с греческим. В исследуемой главе есть некоторые совпадения латинских удвоений с расширениями в славянском тексте XVI в. Так, фрагменту да еже есть въ немъ добродѣтель таимаа да тѣю покаже и изъавитъ и инѣмъ (см. выше) в латинской версии соответствует: ut virtutem quae in illo latebat, aliis apertam, manifestamque faciat¹ (букв. ‘откроет и обнаружит’, греч. δέιξις). Иногда в латинском тексте распространению подвергаются слова с тем же значением, что и в славянском, но по положению в тексте эти расширения не совпадают. Ср. приведенный выше фрагмент и всю тварію благодѣтеъ и наказаетъ и оутомляетъ и казни (греч. παιδεύων, лат. erudiens) и в другом месте латинское удвоение correctivaque et erudutiva, не повторённое в славянском (греч. παιδευτική, слав. наказаа – 141). Наконец, есть случаи латинского удвоения, не отраженного в изучаемой редакции. Например: sic enim imbecillitati, debilitatīque (греч. ἐν ἀσθενείᾳ) uterque subiaceret в славянском тексте тако во немоцна всако всѣхъ вѣа (139).

Мы склонны рассматривать подобные явления как типологические совпадения, обусловленные сходством переводческой практики (один и тот же язык оригинала – греческий; некоторый параллелизм риторической традиции; общие идеологические установки и т. п.). Изученного материала недостаточно для того, чтобы делать более смелые выводы, но вопрос о возможном знакомстве автора славянской редакции «Богословия» с его латинской версией не исключается совершенно. Исследование славянского памятника в этом аспекте было бы перспективным не только для выяснения возможности влияния латинского языка на перевод, но и для уточнения ряда фактов текстологической традиции славянского «Богословия» в целом.

¹ Латинский текст цитируется по изданию [3].

Кроме описанных случаев расширения, текст развертывается благодаря добавлению в него скрытых цитат, ставших обиходными формулами церковной проповеди и молитв. Иногда одно слово может отсылать нас к другому известному тексту, например, *бгъ оубо естъ єдинъ* и *творецъ і промысленикъ* (139) с добавлением *єдинъ* отсылает к Символу веры (*Верую во єдинаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли...*), хотя в данном контексте это слово усиливает основную идею автора о том, что функции творца и промыслителя неразрывно соединены в Боге. Иногда это прямая цитата из Писания, встроенная в текст так, что она не разрушает, а напротив, поддерживает авторский замысел (если к тому же учесть компилятивный характер Богословия, о чём открыто заявлял сам Дамаскин), например: *яко бгъ преже всего всѣ хоче члкъмъ спасти сѧ і в разумъ истинныи прїити и цртво его ползчити* (141 об; в оригинале и первом переводе подчёркнутая часть отсутствует) – ср.: 1 Тим 2, 4: *иже всѣмъ человекымъ хочетъ спастисѧ и въ разумъ истинныи прїити*.

В большинстве случаев цитаты распознать трудно – это, скорее, устойчивые формулы молитвословия и гомилетики. Ср.: *да якоже сѧ блгосердъ млтвъ* и *блгостно промышлѧ* (139) – формула *блгосердъ млтвъ* встречается в молитвах и акафистах, ср. также у Ефрема Сирина: «Господь твой милостив и благосерд, желает тебя видеть у дверей Своих» («На слова Иеремии: Горе нам, яко согрешихом (Плач 5:16)» [4]); *не бо на на мвкъ бгъ сотвори, но на прїатїе блгости его і еже ползчити цртво его и неизреченныа радостї і веселїа в бесконечныа вѣкы сподобитсѧ, якоже сѧи добръ* (141 об).

Компилятивный характер средневековых памятников – известная их особенность. Компилирование использовалось при создании произведений древнерусской литературы разной жанрово-стилистической принадлежности: в учительной литературе (например, Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона, Поучении Владимира Мономаха и т. п.), эпистолярно-публицистической (от Моления Даниила Заточника до посланий Ивана Грозного), летописных сводах, житийной литературе, памятниках деловой письменности (например, Мерице Праведном) и т. д., но компиляция (и – как сказали бы мы сейчас – интертекстуальность) как переводческий приём применяется впервые в эту эпоху. Ей предшествует некая аккумуляция текстов – переводных и оригинальных, которая в итоге формирует книжную культуру, распространяющую диалог текстов на всю литературу.

Так, в этой же редакции «Богословия» обнаруживается явная переключка с произведениями, по всей видимости, старшего современника создателя изучаемой рукописи – Иосифа Волоцкого. Текст «Богословия» обогащается не только цитатами из сочинений церковного просветителя, но и переосмысленными им идеями Иоанна Дамаскина, что свидетельствует о глубоком проникновении основ византийской догматики в русское православие и их осмыслении (см. об этом подробнее нашу статью [5]). Большое количество цитат из

«Просветителя» Иосифа Волоцкого, а также текстологические совпадения с рукописью РГБ, Волоч. 135/490, содержащей вариант славянского перевода «Богословия», отредактированный, как доказала О.С. Сапожникова [6], митрополитом Даниилом, учеником Волоцкого, позволяет предположить, что исследуемый список может рассматриваться как антиграф Волоколамского.

Свидетельством того, что редактированием текста занимался книжник высокого уровня образованности и широкого кругозора (какими в полной мере обладал митрополит), является наличие в тексте вставочных фрагментов герменевтического, экзегетического, комментирующего, аргументирующего, энциклопедического характера. Отметим, что в XVI веке такие вставки имели типологический характер. Так, принадлежащее той же эпохе уже упомянутое нами переложение «Богословия», выполненное с латинского языка (с ориентацией на греческий оригинал и перевод Иоанна экзарха) в кружке А.М. Курбского, демонстрирует достаточно строгое следование оригиналу в основном тексте, при этом обнаруживая признаки расширения в так называемых «сказах» – комментариях, содержание которых порой далеко отходит от непосредственной проблематики трактата (см. об этом [7, л. 325]). Развёрнутые комментарии, подобные сказам Курбского, встречаются и в исследуемом списке, ср: а ꙗже в насъ добраа, прежде всего хоцѣ и бл҃говолѣ. а непрїажднаа поистинѣ злаа, ни преже хоцѣ ни вослѣство хоцѣ, но оустъпи самовластїю еже во нвждено взывѣ ни похвално ни хвало есть. сего ради самовластни взыхвмъ, да бл҃гое извиряющее творимъ. и добро есть взыти по властїю вжїю а не по самовластїемъ, и вѣсвскымъ хотвнїемъ (141 об. – 142).

Это еще одна из форм расширения текста – расширения, выводящего за рамки содержания конкретного текста, отодвигающего его границы в зависимости от широты кругозора автора-составителя или переводчика. Автор разрушает веками господствующий принцип средневековой анонимности текста, его субъект активно проявляет себя в подобных – очевидных и скрытых – обращениях к читателю, требующих и со стороны читателя более живого и глубокого восприятия написанного.

Итак, текстовыми особенностями исследуемого списка «Богословия» являются изменение синтагменного членения текста, связанное с разрушением старых формул и их расширением, включение в ткань текста общеизвестных цитат религиозно-богослужебного узуса и менее распространённых литературных аллюзий, отражающих эрудированность автора списка. В целом данные явления нельзя назвать типологически уникальными: они маркируют определённые сдвиги в общезыковом и общелитературном процессах изучаемой эпохи. Всё это свидетельствует о том, что в исследуемый период начинает зарождаться индивидуальный авторский стиль на основе соединения традиций славянской книжности с новыми текстообразующими возможностями, обусловленными изменениями в культуре, идеологии и языке.

Summary

N.G. Nikolaeva. Text Features of a Church Slavonic Translation of John Damascene's "Theology" in the XVIth Century Redaction (RSL, F. 98, № 612, FF. 86–218).

The article deals with the Church Slavonic tradition of the authoritative dogmatic text – John Damascene's "Theology" – in translation of Bulgarian Exarch John. The basic problematics of the article is connected with such process as text expansion of the initial redaction. Both, external forms and internal reasons of expansions are considered in their interrelation with general language and literature processes of the XVIth century.

Key words: text diachrony, text-building, historical stylistics, intertextuality, Church Slavonic.

Литература

1. Des hl. Johannes von Damaskus "Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως" in der Übersetzung des Exarchen Johannes: in 4 Bd. / Hrsg. von L. Sadnik. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz; Freiburg i. Br.: U.W. Weiher, 1967–1983. – 4 Bd. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes. Tom. V).
2. Колесов В.В. Роль традиционного восприятия слова и символики в создании литературного языка переводов // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли / Под ред. М.Н. Громова, В.В. Милькова. – М.: Наука, 2000. – С. 7–21.
3. Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528–1583) / Hrsg. von J. Besters-Dilger. – Freiburg i. Br.: Weiher, 1995. – LXXX+1025 S. (Monumenta Linguae Slavicae Dialecti Veteris. Fontes et Dissertationes; Tom. XXXV).
4. *Ефрем Сирин, преп.* На слова Иеремии: Горе нам, яко согрешихом (Плач 5: 16) // Ефрем Сирин. Творения. Т. 3. – URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/06e/efrem/sirin3/7.html>, свободный.
5. Николаева Н.Г. Интертекстуальность как переводческий прием в славянской книжности // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе: Материалы II междунар. науч.-практ. конф. – М.: Высш. шк. перевода МГУ, 2011. – С. 522–527.
6. Сапожникова О.С. Работа митрополита Даниила над Богословием Иоанна Дамаскина // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – 2007. – № 3 (29). – С. 94–96.
7. Трендафилов Х. «Богословие» Иоанна Дамаскина в литературе Древней Руси: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1994. – 363 с.

Поступила в редакцию
9.11.11

Николаева Наталия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: natalia.nikolaeva@ksu.ru, eulen@mail.ru